

Владимир Иванович Немцев

Шесть рассказов

Издательские решения
По лицензии Ridero
2016

УДК 82-3
ББК 84-4
Н50

Н50 **Немцев Владимир Иванович**
Шесть рассказов. — [б. м.] : Издательские решения, 2016. —
50 с. — ISBN 978-5-4474-9409-4

Шесть рассказов о наших современниках в основном обращены к молодёжи. Книга кажется простой, но не всегда просты люди или их образы. Понять их — не значит принять, принять — не значит понять...

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ВЕСЁЛАЯ МОСКВА

Москву я помню с детства. Лет с трёх, когда мы каждый год летом останавливались здесь для пересадки с вокзала на вокзал и с поезда на поезд. И редко получалось так, что можно было закомпостировать билеты в один день.

Первое воспоминание приходится на 1954 год. Мы сидим за выносными столиками ресторана «Метрополь» под полосатыми цветными тентами. Я пью лимонад из тяжёлого скользкого стакана, который непослушно выпрыгивает и разбивается под ногами. Ко мне кидается официант в белом костюме, и я от испуга начинаю орать и плакать. Все вокруг оборачиваются и улыбаются. Мама потом уточняла: смеялись иностранцы, а несколько наших кидали суровые взгляды на молодого бестолкового официанта и застывшего за ним памятником с выпяченной грудью

главного распорядителя. Дело в том, что в послевоенном Советском Союзе маленьких детей все любили, как никогда потом, и в любых случаях безоговорочно принимали сторону малышей. Иностранцы же смеялись не иронично и не над нами: мой отец сидел в офицерском мундире, который тогда воспринимался либо уважительно, либо боязливо, а мама встревожено укачивала сестрёнку, лежавшую в пышном свёртке с оборочками и бантиками, порываясь одновременно каким-то образом успокоить и меня.

Отец недавно вернулся из Германии, где служил командиром взвода в Штендале, а взводный тогда там получал оклад почти как командир полка в Союзе, и сохранил привычку посещать дорогие рестораны, и особенно в Москве.

Когда я стал школьником, то мне разрешалось одному сходить на работу к Клавдии Серафимовне на станцию метро «Перспект Мира». Если мы по приезде заставали её на работе, то получали от неё ключ от коммунальной квартиры, куда и несли вещи, а если напарница сообщала, что Клавдия Серафимовна придёт во вторую смену, то направлялись прямо в Банный переулок, где и происходила радостная и сердечная встреча.

Клавдия Серафимовна прежде долгое время работала в будке горсправки напротив Казанского вокзала, и обычно замечала нас издали. Она немедленно закрывала окошко и выходила встречать. Очередь грустно наблюдала, как Клавдия Серафимовна, вытерев губы, вкусно расцеловывала наше семейство, начиная с детей и заканчивая с особой почтительностью отцом, который, поставив на асфальт два огромных фибровых немецких чемодана, расправлял сжатые мундиром плечи и туго стянутую стоячим целлофановым подворотничком шею, чтобы тут же немедленно попасть в плен к Клавдии Серафимовне. Та начинала делиться со мной и сестрёнкой своими любимыми карамельками, говорила, какая наша мама красивая и молодая, какой папа «героически статный». И если кто из очереди пытался напомнить о «коротких справочках», Клавдия Серафимовна задорно спрашивала, неужели она бросит «своих миленьких»

на вокзале ради информации о номере автобуса или месте проживания «чужой гражданки»?

Клавдия Серафимовна в этот момент оптом рассчитывалась со всеми прошлыми жалобщиками по поводу своей персоны, да и заодно давала себе яркую передышку от монотонной работы. Её в Мосгорсправке очень ценили за память и хорошо подвешенный язык. Да и работать там мог далеко не каждый — попробуй повороши засаленные справочники или пробейся к конторскому телефонному оператору для получения информации о проживании гражданина Крекало, или Пиндяйкина, если точное написание его фамилии заказчик не знал, или путал отчество с именем, или затруднялся с годом рождения, а то и вообще пытался выяснить то, что смутно помнил с какого-нибудь 1928 года. Клавдия Серафимовна же в этом случае бросала точный наводящий вопрос, а то и устраивала отъём показаний, и в результате незадачливый гость столицы получал за пять кровных копеек адресок, а за дополнительные три ещё и описание маршрута проезда к своему дальнему родственнику или бывшему односельчанину. Если клиент затруднялся, как благодарить добрую женщину, да при этом оказывался расторопным по грамоте, Клавдия Серафимовна рекомендовала написать благодарственное письмо начальству, что охотно и делалось.

Так что на любую жалобу она могла представить ворох письменных благодарностей, что особо ценилось. Да и жалоб могло не быть, если б не неуёмная общительность нашей Клавдии Серафимовны, любившей вносить ясность в любой вопрос. Так, однажды зимой в окошко всунулось накрашенное было, а потом заплаканное, лицо приезжей дамочки. Клиентка умоляла пособить, сетуя на отказ половины справочных Москвы в предоставлении адреса её бывшего законного мужа. После немедленного допроса и изучения мятой и мокрой газетной вырезки с фотографией каких-то мужчин в галстуках выяснилось, что дама оставила, вернее, выгнала из дома своего пьющего мужа, который теперь, согласно газете, оказался в Москве известным изобретателем, получившим к тому же Государственную премию («то-

то мы обрадовались с детишками»). Клавдия Серафимовна легко «вошла в положение», позвонила, пошелестела страницами справочников, которыми вообще-то редко пользовалась, и написала на бланке не только подробный адрес, но даже телефон.

Дамочка сомлела от счастья и охотно передала бумаге бурные выражения благодарности, на что Клавдия Серафимовна по московской посадской привычке иногда говорить предельно откровенно, назвала даму одним чистосердечным, но экспрессивным, словом. И та тут же сменила милость на гнев. Через несколько дней это аукнулось. Клавдию Серафимовну вызвали в Мосгорправку для объяснения специально созданной комиссии своего поведения с гражданами на работе. Её ознакомили с многословной жалобой на «некоторых москвичей» обидчивой дамочки самому Никите Сергеевичу Хрущёву.

И тогда Клавдия Серафимовна, не дослушав по-партийному красноречивых и логически правильных внушений, приосанившись, выложила благодарственное письмо. Комиссия несказанно изумилась и долго изучала подписи и почерки, потом звонила куда-то, потом сквозь зубы пожелала «ошибочно провинившейся» успехов в работе и личной жизни.

Клавдия Серафимовна, пия вместе с нами в своей комнате чаи с карамельками, рассказывала эту историю со всей красочностью да с подхехекиванием и смешными мелочными подробностями, среди которых была та, что комиссия на прощание обозвала дамочку, выгнавшую из дома от детей ныне обласканного властью изобретателя, выражением, весьма похожим на то, которым наградила её ранее и сама Клавдия Серафимовна.

— Эх, миленькие вы мои, какая у меня личная жизнь! Хорошо хоть, моих мальчишек на ноги поставила. Да Петеньку никак забыть не могу, — довершила она своё повествование.

Клавдия Серафимовна была вдовой маминого дяди, Петра Витальевича, который перебрался с Волги в Москву ещё в нэповские времена, но так здесь и не преуспел по причине злостного купеческого, да ещё к тому же старообрядческого, происхождения. Учиться ему категорически не разрешали, несмотря на то,

что он, в отличие от своих товарищей, закончил гимназию, да с похвальным листом. Один непреклонный гражданин из кадровиков порекомендовал отнести этот лист в отхожее место. Он сначала вообще заподозрил, что Пётр Витальевич уже имеет высшее образование, но потом обратил особо серьёзное внимание на то, что наверху листа красуется грозная птица с двумя головами. Мамин дядя, который тогда не был ещё дядей, а просто сообразительным молодым человеком, этот бесплатный совет усвоил, и царский герб больше никому не показывал. Но поскольку, как говорит народная мудрость и большевики, «волк всегда в лес смотрит», будущий дядя присмотрел себе красавицу жену тоже из купеческого сословия, и тоже, на беду, с некоторым образованием. При этом он опасно шутил: «Не хочу учиться, а хочу жениться», — что вполне могло кончиться убедительным обвинением в антисоветской агитации и пропаганде. Но пронесло. Петр Витальевич прожил недолго, он внезапно умер в 1940 году своей смертью; для окружающих его уход, впрочем, не был большой неожиданностью.

Клавдия Серафимовна в действительности окончила женскую прогимназию, что совсем не было причиной её горестей, потому что знал про это узкий круг лиц. Тем не менее, её несколько не огорчало, что она лишена возможности возглавить какой-нибудь магазин, жилконтору, портновское ателье или столовую. Во-первых, ей неудобно было всех обманывать или что-нибудь скрывать, во-вторых, не хотелось навязываться, несмотря на бойкость характера, в-третьих, не нравились новые люди начальственного звания, ей казалось, она с ними пропадёт.

Придя в круглую, высокую, выкрашенную в зелёный цвет, деревянную с острой крышей будку-стакан горсправки на тротуаре у гудящей, галдящей станции метро «Проспект Мира», я непосредственно вторгнулся в будни московской жизни. Народу здесь было поменьше, чем на Казанском вокзале, но небольшая очередь скапливалась, прежде всего, с моей помощью.

— Ой, родной ты мой, как ты меня нашёл? Хорошо поспал,

миленький? Ну усаживайся, учись. Не надоело ещё учиться? Вот самый толстый справочник. А вот телефон.

— А ещё что? — деловито уточнял я.

— Вот! — указующе хлопала Клавдия Серафимовна себя по лбу. — Самое главное. В любой работе самое главное... Чего-чего? Ну подожди! Ты что, ваша милость, не видишь, у меня ученик появился.

Она захлопывала окошко и любовно изучала меня. Расспрашивала о школе, где мы изучали молдавский язык, и какие города мы проехали на поезде, и сколько раз я дрался, и что мне такого нравится в Москве. И совала карамельку в замасленном красном фантике с расплывшимся неясным рисунком. Потом доставала носовой платок из рукава вытертого пальто с замётанными ниткой частыми стежками краями, протирала очки, а её высокий чистый лоб нависал над моим лицом, и я почему-то начинал жалеть эту огромную, шумную, хлопотливую, смеющуюся тётю, и говорил, что я скучал по ней и по Москве, что, когда вырасту, то буду каждый месяц приезжать к ней в гости. Она бурно смеялась, хлопая руками по коленям, потом целовала в лоб.

— Спасибо, миленький! Буду ждать. Небошь, гулять теперь пойдёте?

— Да. Все встречаемся здесь.

Тут я увидел идущих родителей, и вырвался из будки под одобрительное балагурство Клавдии Серафимовны.

— Вижу, соскучился по Москве-то, поживите пока у меня, не обижу... — кричала она вдогонку, упирая на звук «а», что получалось: «па Ма-аскве-та-аа...».

Последний раз я приехал в Москву поступать в аспирантуру. Город строился. И в переулке появились новые светло-кирпичные дома с огромными окнами. Тут же на тротуаре я увидел бредущую Клавдию Серафимовну. Окликнул её, и она живо обернулась, обрадовано узнала. Одобрительно оглядела меня, похвалила за намерение учиться, «никто из наших так далеко не шагнул», и передала мне лёгонькую сумочку.

— Ну, понеси, милоч, помоги старухе. В аптеке вот побывала,

да колбаски прихватила.

– А я тоже хотел зайти в магазинчик по дороге.

– А и зайди. Вот как раз прямо. Только конфет не покупай мне, тем более шоколаду. Страсть как мне вредно. Купи сухого красного вина, и всё, достаточно.

Она задержалась поболтать с какой-то знакомой, а я ринулся в магазин. Вся провинция любила московские магазины, находя там то, чего в жизни могла не увидеть. Конечно, там стояла непрменная очередь, как правило, в немалой степени из приезжих. Я подождал, когда за мной заняли, и пошёл к кассе.

По возвращении застал удлинение очереди покупателей, среди которых пляснул на меня небрежно одетый мужик. То ли он обознался, то ли просто невзлюбил – мало ли какие странности бывают у пожилых людей.

– Какого хрена ты лезешь поперёк меня? – для затравки полюбопытствовал он. Я на него мельком глянул и отвернулся. Женщины с готовностью пояснили, что молодой человек в кассу ходил. А мужик не слушал. – Прёт как козёл на капусту, видали мы таких. А ну вали отсюда! Сделаю вид, что не видел. А ещё попадётся на глаза, так накостыляю.

Судя по всему, он принял меня за москвича, но мне было не важно это, потому что никак не входило в мои планы влипнуть в какую-нибудь историю накануне вступительных аспирантских экзаменов. Но, видно, судьба от истории меня не освобождала. И стыдили бабки-защитницы этого мужика, и увещевали, а он распалялся.

Тут я услышал голос Клавдии Серафимовны:

– Ты чего, старый хлыщ, на моего внука насакиваешь? Знаю я таких таксистов, которые дурку гонят не по делу. У тебя что, дочка гуляющая, или сынок такой же балбес, как ты, что прицепился к мальчику? А ну сам отсюда сваливай, поганый мужчина! Или чихну так, что тебя вообще никто больше не увидит. Пошёл вон, пень загаженный!

Магазин затих. И в той тишине мужик неторопливо, но ощеряясь, побрёл к выходу. Клавдия Серафимовна невозму-

тимо помогла мне уложить покупки и мы пошли во двор под несколько удивлённо-опасливыми взглядами.

– Вот хмырь-то! Чего он к тебе прицепился?

– Понятия не имею. Он в вашем доме живёт?

– В моём доме я всех знаю. А он не знаю и знать не хочу, где живёт, может, на вокзале, может, под забором. Первый раз вижу.

– А вы его таксистом определили. Про детей сказали, он даже не стал возражать...

– Поговору узнала. Похоже, и посидел немного. А что дети непутёвые, так это наверняка. Много я кого повидала, милоч, на зубок определяю, и с каждым говорить умею. И не спрашивай. А пристал он к тебе скорей потому, что уж больно щегольски ты выглядишь: рубашечка красная, галстучек красивый, ботиночки чищенные. Франт!

– Неужели завистник?

– Да не-ет, другое. Такие щёголи, как ты, в наш магазин не ходят, у них свои магазины есть. И таксисты красавчиков не любят, понял? Те им мало чаевых дают, а ожидания большие внушают. Вот ты бы сколько дал?

– Да я на такси не езжу.

– Вот и я говорю. Не соответствуешь своим претензиям. Не обижайся, миленький, ты сам с возрастом это поймёшь. Только лучше, когда кто-нибудь ещё объяснит, одного опыта пока мало. По телевизору ведь смотришь членов политбюро? Они как выглядят? Да словно серые мышки! Потому что они говорят: мы за пролетариат! А ты за кого?

– Я – за богему, – засмеялся я.

– Вот я и гляжу, как ферт французский смотришься. Только живёшь не как француз.

– А вы знаете, как французы выглядят?

– Чего же не знать? Я кино смотрю, французские фильмы нравятся. Только итальянское кино неореализма больше нравится, оно честнее, и нам ближе.

Я покосился на старенькое штопаное пальто Клавдии Серафимовны. Меня всё это ошеломило – таксист, неореализм...

Клавдия Серафимовна неожиданно предстала с новой стороны.

Была она и раньше грубовата, но это нисколько не обижало. Сейчас я с обретением жизненного опыта могу объяснить, почему. Есть ведь грубость и есть хамство, в основе того и другого находится одна грубость. Но хамство я не склонен прощать, потому что хам с помощью грубого общения самоутверждается. А органично грубого человека стоит простить: это может быть его стилем поведения, может быть следствием воспитания среды, а может быть и просто отсутствием воспитания — наши школы ведь этим специально не занимаются. Скорей примитивная московская грубоватость Клавдии Серафимовны была приобретённым свойством на протяжении её долгой жизни, а возможно, и защитной чертой характера. Но это и не суть важно: Клавдия Серафимовна ведь зла другим не несла.

Вскоре я окунулся в новый для меня мир, вырваться из которого не удавалось. А потом представился случай позвонить из общежития двоюродному дядьке, сыну Клавдии Серафимовны, и с удовольствием услышал его голос, интонацией и говором напоминающий мать.

— Болела мамочка долго, в больницу её положили. Она и про тебя вспоминала, и про мамку с батюшкой твоих, про всех. А недавно похоронил я её. В Московской области она лежит, под ольхой. Приезжаю иногда, птички там чирикают, хорошо ей...

Спустя время, прожитое в столице, я вдруг понял, что город потускнел в моих глазах, он стал не совсем тем местом на земле, куда я с детства стремился.

ОЖИДАНИЕ

Помню я, с каким страхом открыла дверь. На крыльце я увидела Гошу. И ведь самая середина ночи...

До чего ж он худенький был в своей шинелишке. Да замерз ведь, бедный солдатик, белый ремень съехал набок, одни глаза тепленькими смотрелись. Я ему говорю: Светка у Валечки Постновой осталась ночевать, нет её. Знала б, не отпустила. Он говорит: «Можно, тетя Люся, у вас остановлюсь?» Да мне жалко, что ли. Проходи вот. Вошел, казенное скинул, помылся и провалился в раскладушке.

С утра сидим, ждем Светку. Она ж, негодяйка, в два часа явилась. Фырк, фырк, здрасьте, давайте обедать, что ли. Чего ж ты, доча, говорю, тебя с ночи ждут, а ты прохлаждаешься. Музыку, говорит, слушали, журналы мод смотрели...

Он всё молчит, правда, шубку у неё принял, шлепанцы ей поднес. Он такой вот, отмалчивается, глазами чёрными зыркает, улыбнется иногда, — но подвижный, худенький, не больно-то углядишь за ним.

Так он помалкивал по обыкновению, а потом говорит:

— Света, ходим в кино? В театр мы не успеем, мне вечером уезжать надо обязательно.

— А я все фильмы смотрела...

— Какой больше понравился?

— «Солярис», — она ему с улыбочкой.

— А, это где две серии?.. Ну пошли.

С поездом у него туго, я ведь вижу. Ну вот, пошли, забежали, правда, к нему домой, он перед дедом повинулся, что самовольно, значит, уехал из училища. На попутных добирался до города...

В общем, на какой-то другой фильм ходили, проводил он Светку до наших дверей — и на вокзал.

Дед, конечно, отругал его очень. А вот так если б в войну было, а вдруг «тревогу» сделают, а если я вдруг позвоню, чтоб выручить тебя, да меня слушать не станут, ух ты, самовольщик проклятый, командир такой-сякой будущий... Но деда, конечно, послушали, по старой памяти.

Мне что, мне Гоша нравился. Только вот у Светки мальчиков много знакомых было, и во всех она влюблялась.

Вот какая девка. Танцуйки на уме, тряпки-шляпки... штук десять французских духов держала, — на какие папочка ее родной, да забытый, расщедрился, а какие мальчики дарили, я же ей «Мистерию роше» поднесла только, когда она школу закончила... Была тогда двадцать с лишним лет назад, убийственная мода, на духи, на книжки, на песенки с танцами.

И доплясалась... Из института выперли. «Мама, я восстановлюсь, Как вол буду работать. Прямо сейчас за учебники сяду». А тут баскетболист её, Серёжа, является: «Да ла-адно вам, тетя Люся, я сам в этот же институт буду восстанавливаться, и за неё попрошу. Всё будет хоккей...»

Ему бы говорить: всё будет баскетбол... Такой верзила, красавчик. Этот её Сережка больше всех и нравился, мне ещё девчонкой по душе были высокие мужчины, на маленьких смотреть я не могла.

Так что все Светкины знакомые мальчики на подбор высокими были, метр девяносто — два метра. Я же их всех наперечет знаю. У меня заведено: раз молодой человек у нас появился, я допрос ему учиняю — кто такой? Правда! Фамилия у тебя какая, учишься ли, работаешь? Родители кто? Куда вы с моей Светой собрались? В кино? Ах, в кафе? А деньги у тебя есть, и много ли?.. Так что в пол-одиннадцатого ты мне её сюда же приведи. И запиши-ка — вот ручка — свой адресок, телефоны, какие есть, чтоб я знала. Светке же не раз повторяю: коль мальчиков у тебя много, их всех не спрячешь, вот ты их в гости домой приглашай. У нас места хватает. И мне с вами самой не будет скучно, я с молодёжью общаться обожаю.

Гошу вот я давно знаю. Они дружили с девятого класса, и он постоянно у нас во дворе появлялся. Небольшой дворик, в нём всё видно, иной раз в открытое окошко: «Здорово, Гоша!» — гаркнет Богомолов, речник наш бывший, он всё время в окошке торчал своём, глядел на Волгу. Ну, мы, благодаря ему, и знаем, кто к нам жалует. И вот лет шесть уж прошло, много чего изменилось.

Гоша, к нам ночью когда заявился, когда убежал из казармы, — это потому, что Светка ему в письме написала: всё кончено и забудь, ты меня никак не устраиваешь. Он парень, видно, заводной, хоть тихий, — через забор и домой; машины попутные останавливал. На машинах быстрее, чем на поезде, к нам ехать. Составы подолгу попусту стоят, а машина еле бредёт. Сколько я помню, Гоша никогда с моей-то не ругался. Лучше уступит, а ничего зря не скажет, пусть даже она издевается. И иногда же — так специально... Только он молчком да молчком, ручку иногда возьмет, погладит. Хитрый до чего. Наверно, я о нём всё знаю, записывать адреса уж точно не надо, я даже дома у них раньше бывала, когда Светка моя задержится в гостях, — а я-то знаю, где её когда искать, если что. Гошу с рождения дед воспитывал,

он полковник бывший, сухой такой, бравый, невысокого, правда, роста. Воспитывал строго, даже хотел в своё время внука в суворовское училище отдать, но мать не дала. Всё он у них в каких-то куцах пиджачишках бегал, в куртках без подкладки теплой; теперь вот в шинелишке... Только чёрными глазками-ягодами остро: зырк, зырк! Жалко, помню, мне всегда его было, а он смеется: я сам зимнее пальто носить не желаю — тяжелое. Но в офицеры он, вроде бы, и не собирался, это дед его в военное училище направил, убедил. Гоша и жалел потом, бывало. Он музыку любит, и в школе и в училище ансамблем руководил. Из-за музыки, считай, в десятом классе он Светку-то бросил.

Только из-за музыки бросил, не из-за чего больше.

Познакомился с Олей, девушкой старше его на три года. Оля, считай, в институте уже училась. Отец её, директор завода, долго в Австрии в командировке был, присылал оттуда он пластинки, кассеты присылал. Вот Гоша к ним слушать ходил да переписывать. И она, Оля, конечно, закрутила его. Он же всё-таки ничего, симпатичный. И забыл про Светку мою.

Потом, уже в училище учился, снова у нас стал появляться. У Светки кавалеры сидят, и он где-то сбоку пристроится. Маленький... Серёжа, например, про Болгарию рассказывает, они туда с командой ездили, показывает, какие тряпки там купил — всё на нём. Свете, между прочим, сумочку привез кожаную, на длинном ремешке — самую модную. Ну вот, рассказывает, рассказывает, потом другие станут чего-нибудь вспоминать, а мы все слушаем, и Гоша тоже. И не уйдёт ведь от нас, пока все не разойдутся.

Светка по его адресу всё рукой махала, если я о чём заговорю. Выгоняла, бывало, даже от нас, так надоедал. И он тогда у нас под окнами гуляет...

Как-то приехал Гоша на праздники, а Света к Вале Постновой на день рождения собралась. С Сереей. Встретил он их, можно сказать, в дверях. «В гости? — говорит. — И я с вами...» Так и увязался. Забежал только домой за коробкой конфет и шампанским. Дома у них всего полно, бери, пожалуйста, это карманных

денег ему в семье давать не принято было. Ну и потом идёт с ними сбоку. И не прогонишь.

У Валечки полно молодежи, шум, танцы. Гоша — за пианино, ведь музыкант же! Светка с Сережей танцует весь вечер, хихикает, вино пьёт. Под конец они там сильно выпили, и баскетболист утомился, на диванчике прикорнул, да и Светка квёлая ходит. Гоша встает со своего круглого стульчика и говорит попросту: «Пойдем, Света, домой». И доставил её мне.

Много можно рассказывать... Смешные у них отношения. Она над ним насмехается, ну, конечно, больше за глаза, а он прицепился, не отходит. Глазками своими ягодками поглядывает. Во всём с ней соглашается, помалкивает, а потом своё что-нибудь проронит тихо, спокойно так. Ни разу ещё голоса не повысил. Светка же как его встречала:

— Ты ещё не уехал? Да смотри, мама, он опять пришел.

— Ну и что? А я люблю тебя.

И вот уговорил даже её заявление в загс подать!

— Мама, а мы заявление написали. На спор.

— Да что ты! А на какое число назначено?

— О-о, ещё только три месяца. Не скоро.

Серёжа, когда у нас был, тоже удивился:

— Чего ты, Светлана, торопишься замуж? Подожди хоть, разбежалась... Вот, к примеру, меня в Киев приглашают играть. Поехали туда? Чуть позже и мы заявление накатаем.

— Дай мне посмотреть, что из первого получится. До твоего заявления дойдём ещё.

И дошли, можно сказать.

Мы с его родителями запасаемся продуктами понемногу, обговариваем всё как надо...

Гоша пригласил Свету в гости приехать, соскучился, сам он сюда не может — не отпускают. Нашёл, где ей остановиться на пару дней. Комнатку у хозяев снял. Она кривится: не поеду, Сережа скоро из Краснодара прилетает. Вот те раз! Съезди, говорю, дочка, поразвейся. Гоша неплохой мальчик, город покажет, ансамбль ты его помотришь, которым он управляет там. Поеха-

ла. Гуляли они там весь день по городу, а к вечеру он показывает на какой-то дом.

– Смотри, здешний загс. Зайдём, узнаем, через сколько месяцев они тут расписывают, в отличие от нашего.

Зашли. Пятнадцать минут до закрытия было.

Женщина в загсе словоохотливая оказалась. «Через два, — отвечает. — Можно через месяц».

– А завтра, например? — Гоша интересуется. — Если мы очень любим друг друга, с девятого ещё класса, то можно завтра?

– Если военнослужащий, да влюбленный, то можно, в принципе.

– А сегодня?

– Поздно. Видите, я ключи приготовила запираяться.

Гошу разобрало, он вдруг такой разговорчивый сделался, бумажку показывает, которую им в нашем загсе дали, то да сё. И у Светка уже глазащи, разгорелись, интересно ей, видно, дуре, было что-нибудь отколоть.

Женщина от них со смехом отмахиваться стала: свидетелей, говорит, нет, да и впервые, говорит, таких вижу настырных влюбленных, те обычно робкие, готовые испытывать свои чувства, а эти норовят без очереди. А главное-то — свидетелей нет. Ей только сказать — мигом Гоша поймал на улице какого-то курсанта из своего училища, в коридоре уборщицу захватил, и убедил-таки всю процедуру провести. Покорил всех, можно сказать. Наутро они к ней с шампанским забежали; она даже, поздравляя, всплакнула чуточку: «Как родные, — говорит, — стали».

Потом и мне на работу звякнули. Кто-то радостно кричит:

– Тётъ Люся, свершилось!

– А что свершилось? Это кто говорит?

– Гоша. Свершилось, говорю. Всё свершилось.

Вот так они, детки, избавили нас от хлопот и затрат. Свершили. На другой день у них там и свадьба была. Собрал мой Гоша весь свой ансамбль, гитары взяли, барабан с барабанчиками, винца, капусту соленую в одном ведре, картошку в другом, Светке кроссовки достали, тренировочный костюмчик, палаточку

для двоих — и в лес.

Были у них танцы с пиршественным столом у костра и свадьба, какая положена, только без родителей... Домой моя Светочка обалделой приехала. Рассказывала мне, рассказывала и говорит:

— Мама, а он, знаешь, сразу командовать начал.

— Это как? Кричать?

— Что ты. Я, например, говорю, что ребеночка нам ни к чему пока, правильно? Поживем для себя, правильно? Лет пять... А он — нет. Я говорю: никого у нас не будет. А он: будет.

Много они о чем спорили оначалу между собой. Светка до истерики доходила. А Гоша слушает, слушает, да что-то и вставит. Она в крик. Светка надрыгается, а он в приёмнике звука прибавит — музыку-то он всегда слушал. «Музыка направляет любовь»... Или «поправляет любовь»? Не помню, как он говорил. До предела звук доведет, пока женушка не устанет. Он тогда к ней ласкаться: и поцелует ей ручку, щечку, и на руки возьмёт, по комнате потаскает, потом сядут на диванчик и вместе музыку слушают. И ведь какая Светка у меня строптивая была, а вот не-

заметно стала по его думать и жить. Влюбилась без ума, похоже. Как это он сумел – удивляюсь. Вроде б ничего особенного и не делает. Просто хитрый такой. Да вот пример. Отправили мы Светку с Валечкой Постновой в Москву купить кой-каких вещей на обзаведение. Она и привозит: себе плащ за восемьдесят, сапожки дорогие, французские духи, будто их у неё не водятся!.. Ну, ещё свитер, полчемодана шоколада – это надо подумать! – а Гоше носки, трусики спортивные и шесть носовых платков. Его родные в шоке: «Светочка, а что ж ты о муже не позаботилась?» Она смеется: он, говорит, всё равно в форме ходит. Все смущены. А Гоша вдумчиво пересчитал носовые платки, подошел к Свете, расцеловал её и сказал спасибо.

Вот как оно было-то у нас. Теперь он, мой сыночек, военной частью командует. Сколько всего пережили – я совсем состарилась... Но он настоящий военный, на таких всё в жизни держится.

Жду, скоро в отпуск приедут, привезут мне двух внучат. Старшая уже отдельно живёт, сама приедет, правнучку покажет. Очень жду.

ПЕРОВСКИЙ

Приятель попросил меня подыскать в городе домик. Помытарившись по нефтяным разработкам Жана-Жола и Сургута, приятель заработал свои коэффициенты и решил пожить в городе, но поближе к земле. Мне посоветовали хорошее место в географическом центре нашего города, где ещё прочно стояли избы с грядками и садовыми деревьями.

По указанному адресу меня встретил неплохой, вроде, мужик, усадил за столик на терраске, жена его принесла нам всё, что надо, и я увидел: дело, похоже, выгорает. Над нами гулял лёгкий ветерок, жужжали осы, а издали доносился гул городской магистрали. Стопочка с водкой холодила ладонь, во рту прямо-таки таяли свежие помидоры, и я уже не сомневался, что приятелю всё это будет как раз. Он ещё всплакнёт от счастья.

– А детали мы с покупателем обговорим, – заверил ещё раз Александр, – всё путём, не волнуйся.

Он перевёл взгляд за меня и отложил только что разрезанный надвое огурец, который собирался посыпать солью.

– А чего ты, Саня, меня не зовёшь? – раздался ещё один голос. Я обернулся и увидел улыбающегося крепенького мужичка небольшого роста. – Гостя я заприметил, а тебя что-то с утра не зрю.

– Ну садись, Сергеич, какие разговоры. Вон тот стул возьми.

– Перовский. Можно Сергеичем, – представился пришедший. – Чем могу помочь?

Я промолчал, предоставляя инициативу хозяину. А тот вздохнул:

– Да чем тут помогать? Продаю дом-то.

– Эк! – отозвался Сергеич, шустро хватая закуску. Стопочка его уже была пуста. – Штрафная, – заметил он попутно мне. – Ху! Уже побежала... Таишься ты что-то, сосед.

– Чего тут таиться? Сын уже повзрослел... Надо устраиваться. Я поднялся.

– Спасибо за угощение. Пора двигаться.

– Чего это? – встрепенулся Сергеич. – Это я спугнул? Извини, братец, считаю обязанным исправить ошибку. Садись-садись.

Рука у него была твёрдая и довольно цепкая, так что пришлось опуститься на стул. Да и уходить так скоро, честно говоря, и не хотелось. Этот Сергеич был занятный тип человека, то ли прожжённый хозяйственник советского времени, то ли военный отставник небольших чинов, то ли деловой... У него были простонародные манеры, природные сметка и хитрость, и, наконец, благоприобретённый интеллект.

– Мы тут с Санькой не разлей вода. А ты нас разлучить хочешь? Уже уговорил продаваться? Сам склонил его, или он инициатор?

– Сергеич! Ладно тебе. Это же наше дело.

– Ты у меня на глазах вырос. С отцом твоим выпивал,

с тёткой ругался, я что же теперь, посторонний? Эх, кручина!.. Давайте за дружбу! Саня! Са-ня! Чекушечку... Вот так. А теперь хоп! Я ж не за любовь предлагаю вмазать, на хрен ты мне сдался, — а за дружбу. Как вы на нас вышли?

Это он перешёл на мою личность. Но «вышли»... Вот словечко брошено! То ли я сюда из лесу выбрался, то есть, вышел, то ли «вышел», как говорят ответственные товарищи, на таких значительных людей, как Саня да Сергеич... Хорошо же мы сидим.

— Шёл-шёл да вышел... Вывел меня на вас дружок один.

— Хохо-хо! Не в ментовке ли он сидит за телефоном?.. Из каких же ты будешь? Не обижайся, мы же тут попросту.

— Доцентом работаю.

— С моим почтением! Я знавал и профессоров, и генералов, с двумя маршалами общался, так что можешь не стесняться.

Мой контрагент улыбнулся мне через стол:

— Сергеич в Москве вырос, там народ с министрами в бане парится и в пивной с дипломатами шушукается.

— Что ты знаешь про Сергеича, Саня! Только не парился, а парил! Не шушукался, а... Я этих пламенных коммунистов нао-приходовал знаешь сколько... И Сань, я не в Москве рос, а в Перове. Ты это не восал?

— Так для нас нет разницы.

— Разница между нами маленькая, а вот между Москвой и Перовом есть какая надо. В Москве живут и жили одни проверенные коммунисты, а чем дальше — тем их меньше. Я их нюхом чую! У меня это врождённое, если кто не знает. Ну, за меня выпьем, подняли!

Александр смущённо улыбнулся мне и подал голос:

— Чего же за тебя пить, давай за гостя.

— Ага, Перовский им теперь без надобности! И кликуху его теперь не знают. А хочешь знать, благодаря кому красный режим-то скинули? Хочешь поинтересоваться кой у кого, что нас ждёт в грядущем тысячелетии? Ну-ка, Санёк, не гнушайся! А то обижусь. Нам ещё мой юбилей скоро отмечать.

Молча выпили, поцокали вилками по тарелкам. У меня слова

Сергеича вызвали вопросы, но я видел их некоторую расчётливость и рекламность, поэтому счёл возможным лишь спросить про юбилей. Потенциальный юбиляр театрально приосанился и отвечивал, что через несколько недель ему стукнет восемьдесят. Я очумело уставился на него: этот блондинистый свежий мужик явно был не старше пятидесяти, ну, шестидесяти, лет. Александр сурово кивнул, подтверждая сказанное. Между тем Сергеич протянул мне какую-то книжицу в вытертой обложке. Это был паспорт, в котором писалось, что владелец его, по фамилии Вдовин, родился в селе Перове Московской губернии в 1918 году... Сергеич откровенно наслаждался моментом. Паспорт был его явной гордостью.

— Я их заставил восстановить историческую точность, — заметил он между прочим. Потом с силой постучал вытянутым пальцем по краю стола. — Я всех этих лахудр заставил побегать, потом извиняться. И больше ни у кого вопросов не осталось.

В горделивом виде своём Сергеич смотрелся немного смешно. Я решил поддержать разговор, да и поощрить соседа некоторым образом — ну, хотя бы вниманием к его словам:

— Вот вы москвичей всех коммунистами называете, это же не так. Не может ведь такой громадный город быть политически однородным.

— А кто же они тогда? Может, антикоммунисты? Или христианские демократы? Или эти... зелёные? Да их большевики всех пайками купили! Ё-моё! Ты, доцент, не знаешь москвичей. Это коренные коммунисты, понял, нет? Они вышколенные, только какого-нибудь приказа ждут!

Я уступил перед его энергичными доводами. Кто у нас не был коммунистом, в конце концов? Я заметил миролюбиво:

— Как у нас в народе называли партийный билет, «хлебной карточкой», кажется?

— Не-еее! — запротестовал Сергеич. — Дело не в билете! Ты мог из интереса вступить, в грудь себя бить, я понимаю, ёкарный бабай. Но думал ты всё равно по-своему. Натура главное! Вот и давай выпьем за это — не прячь натуру!

Мы выпили, дело нехитрое. Только разговор приобрел, как мне показалось, немного тягостный характер. Как в конце восьмидесятых, когда большинство людей стало открывать для себя много очевидных для остального меньшинства вещей, и все застолья представляли собой взаимные пересказы-перекрикивания газетных статей.

Сергеич зорко оглядел меня:

– Может, я не так что-то сказал? Извини. Но у тебя, может быть, дедушка большевиком был?

– Нет, Сергеич, никаким большевиком не был, ни тот и ни другой. Какое это сейчас имеет значение?

– Э-э, если ты не лукавишь, то говоришь вред! Нельзя так, честное слово. Если правду сказал, значит, у тебя натура простая, хотя и доцент с кандидатом.

– Не совсем понимаю, что это значит?

На меня цепко и дерзко глядели два сощуренных глаза, серых и немигающих глаза молчаливого охотника. Я опешил и невольно спросил:

– Сергеич, вы, наверно, охотник?

– А-а, уловил что-то... Только не охотник. Охранял и приводил в исполнение.

– Где? – растерянно уточнил я.

– А где ж? У Берии, как говорится, где.

Я попытался сосредоточиться. Переворачивались многие представления. Хозяин стола сидел обречённо потупившись. Перовский наоборот продолжал испытующе глядеть мне в лицо, в глаза, словно ждал либо испуга, либо благоговения.

Он не глядя указал рукой в сторону детского парка.

– Вон там, за Московским шоссе, и приводил. В дубраве, где в войну дача шефа была. Заводили моторы и шлёпали. В самом начале войны мно-оого навезли. Кто с жёнами, кто просто при своём чине...

ПО МИРУ

Славик ничем особенным не блистал в школе, поэтому всех бывших одноклассников удивили его успехи на инязе, за которые ему назначили персональную стипендию. О нём написали в местной газете, взяли интервью по губернскому телевидению, на что умница и ироник Паша Пекарский, студент аэрокосмического, заметил, что у Славика вдруг «открылся второй язык». Речь в интервью шла о том, что Славик помимо английского и немецкого, которые у него шли блестяще, вдруг взял и выучил испанский. Алла даже обиделась и вспомнила, как Славка беспомощно бубнил свои ответы на уроке, и заявила, что у него просто обнаружилась «мохнатая лапа». Это была хорошая версия, только все собравшиеся на её день рождения прекрасно представляли себе, что для персональной стипендии надо ещё всё-таки

нечто и убедительно демонстрировать. Вот они все и решили, что Алла скорее обиделась на себя за то, что не догадалась пригласить на свой праздник и Славика, настолько он не котировался среди классной «аристократии»: за модой не гонялся, комплиментов не говорил, честолюбия не проявлял. Ещё все пришли к выводу, что Славик просто «попал в струю», какую, пока неизвестно, но всё равно он не должен, как и раньше, «хватать звёзд с небес». Не тот он человек, как, например, они...

Славик не знал про эти разговоры, да вряд ли предполагал о них, потому что о том не задумывался – такой лёгкий человек. Он как-то потерялся для одноклассников, поэтому никому не было известно, что он после университета закончил ещё Школу экономики во Франции, куда поступить и где учиться не составляло особенного труда: там учёба бесплатна, а подзаработать может любой, если не ленив. А вот на этот раз его зачислили в Центрально-европейский университет для изучения менеджмента, потому что он выиграл грант у Джорджа Сороса, чем даже озадачил своего отца. Отец только перед этим рассуждал на кухне, какой Сорос подозрительный спонсор, раздающий миллионы направо-налево. Славик с отцом и не спорил, тому видней – он был военным пенсионером. Наверняка у Сороса были какие-то свои соображения для широкой благотворительности. А лишь только Славика приняли, он вообще об этих хитрых вещах и забыл думать.

Когда Славик уезжал сначала в Париж, потом в Будапешт – родной город Сороса, родители особенно не переживали, сами ведь подолгу на одном месте не жили, так что всё было привычно и понятно. Отец только при прощании сосредоточился на чём-то своём и смутно предостерёг: «Смотри там, осторожнее». Но это можно было не принимать всерьёз: Славик и так не попадал ни в какие истории. Что ему нужно, так это книжки да компьютер, да ещё вольный ветер мировых дорог.

За годы учёбы он использовал любую возможность где-нибудь побывать. Чуть выдастся время да скопятся франки, потом форинты, а лучше всего доллары, он садится на поезд, а то

на автобус, и едет-едет куда-нибудь, не отрываясь от окна. Так смог побывать в Испании, Португалии, Голландии, Дании, Швеции, Чехии, Польше, Великобритании, даже в Бразилию, в Рио-де-Жанейро попал. Ни с чем не сравнимое удовольствие из всех, доступных бедному студенту!

В Венгрии, понятное дело, он истоптал весь Будапешт, потом съездил в Вышеградский старинный замок на отвесной скале, вскарабкался по крутой лестнице под купол высоченного католического собора в Эстергоме, где волосы треплет сильный ветер, побродил по улочкам Печа, полюбовался лебедями и селезнями на мелководном Балатоне, и однажды в апреле внезапно решил, что надо съездить в Италию.

Славик был чист перед экзаменаторами, деньги у него в запасе были, откладываемые от разных лакомств и плотной еды, ещё и заявка на очередной грант, на этот раз госдепартамента США, подготовлена. Сомнения были только по поводу специальности: Славик не понимал, что за наука такая политология, может, податься на международное право? Но времени оставалось достаточно, чтобы решить. Он выпросил неделю будто бы для написания научной работы (которая уж наполовину готова), и купил билет до Рима.

Как ни странно, на более выгодные автобусные места свободных не оказалось, и пришлось переплачивать долларов пятьдесят на поезд, что выходило даже со скидкой за проезд туда-обратно. Славик на этот раз не проявил дотошности и не интересовался о причинах популярности автобусных поездок, а объявления в кассах он обычно не читал.

Это потом и сказалось, а пока он занял диванчик у окна в купе поезда на вокзале Келети. Напротив него уже сидел дюжий господин, читающий газету. Рядом с ним спал, откинув голову, другой. Дорога начиналась.

Славик переполнялся сладким чувством дороги, где была интрига неизвестности, смена кадров, изумительные виды предальпийских далей, смутный запах кофе, чьи-то тихие обмены фразами в коридоре на малознакомом языке, тёплые лучи днев-

ного солнца.

Господин напротив достал ещё одну газету. Она была цветная, на кириллице, Славик украдкой вчитался и понял, что сербская. Его взгляд перехватили, и господин едва заметно улыбнулся толстыми губами.

– Србска? – любопытствовал Славик.

– Да, – умиротворённо кивнул господин. – Русский?

– Точно! А откуда вы узнали?

Славик уже привык, что его всё время за кого-то принимали, это стало одним из забавных элементов его путешествий. А когда сразу тебя узнают, откуда ты есть, становится неинтересно.

– Я знаю русских, братушка. Мой лёгкий взгляд...

Сербский господин сказал это гордо и доброжелательно, хотя и не смог закончить фразы. С ним можно было завязать беседу, пускай на европейских дорогах это не принято. Славик же этим воспользовался, и узнал, что попутчик возвращается из дома, а едет в Гамбург, где работает на металлургическом заводе, там ему очень нравится. Пришлось и Славику докладывать о себе. Серб немедленно растолкал соседа и сообщил ему, что этот вот парень напротив – из Самары.

– Из Самары? – не очень эмоционально переспросил проснувшийся. По-русски он говорил гораздо лучше земляка. – Я там работал два года. Мы два дома построили, на углу Вилоновской и Самарской, да? Старый город очень интересный, но русские города вообще некрасивые.

– Почему же? – удивился Славик.

– Вы, русские, относитесь к ним неблагородно. Почему мы там работаем? Наши братья не хотят... Лучше сядут в кружок и выпьют.

– Неправда, – патриотично возразил Славик, хотя ничего не знал об этом.

– А почему ты там не учишься? А поехал в другие страны. Я слышал, чужие дипломы Россия не признаёт.

– Я выучусь, вернусь и буду работать.

– Сколько можно учиться? Мы уже работаем. У Гойко сын

тоже работает, а он моложе тебя.

– Есть же и эстетические запросы, идейные интересы... Я настроен на основательную подготовку.

Сербы одновременно почему-то рассмеялись. Несколько напряжённая атмосфера в купе разрядилась. Славик многословно стал объяснять, почему он всюду ездит, учится, ну, во-первых, жизнь такая длинная...

– Жизнь очень короткая, – вставил один из сербов.

– Но ведь не как у комара или у бабочки, – возразил Славик. – Можно всё успеть. И тогда можно уверенно строить её.

– Свою жизнь нельзя построить, – деликатно поправил другой серб, улыбаясь толстыми губами. – Пока учишься, пока планы готовишь, изменится страна...

Другой серб покачал головой и добавил, что сейчас наши страны очень быстро меняются, и надо к ним подстраиваться, а не жить так, как самому хочется. На просьбу Славика уточнить свою мысль он сказал просто, что надо жить в своей стране и меняться с ней.

– Но вы-то сами живёте в другой!

– Нас разбомбили, – напомнил серб. А его земляк мягко добавил, что они часто бывают дома, тут всё рядом...

Славик сочувственно вспомнил, как в Будапеште появились беженцы из бывшей Югославии, а на площади Москва-тер, у станции метро, на его глазах полицейские обыскивали группу молодых албанцев со спортивными сумками, и как на набережной Дуная он столкнулся однажды с группой бодрых и весёлых американских лётчиков без головных уборов, в синих элегантных мундирах из тонкой шерсти. Только все эти косвенные приметы войны не затронули глубоко его сознания, потому что он был занят другим. Вот и теперь он постарался вытолкнуть из памяти всякие тревожные ассоциации, и перестал задавать вопросы, а также поддерживать разговор.

Видимо, попутчики восприняли внезапную неслогоохотливость Славика за его деликатность, и теперь лишь мимолётно улыбались, столкнувшись взглядами.

Спокойно проехали австрийскую границу. Венгерские пограничники в пункте Дьёр были очень любезны, но предельно внимательны, зато в Никельсдорфе австрийские полицейские в джинсах и курточках только проштамповали паспорта, бегло оббежав глазами купе, и деловито буркнули неизменное «Bitte». В Вену прибыли на главный вокзал, где Славик тепло расстался с сербами, объяснившими, по какой ветке метро добираться на Südbahnhof – вокзал южного направления. И там-то выяснилось, что поезда на Италию не ходят.

– Heute nein in Rom keines Zuges, – сказал какой-то железнодорожник. – Morgen ábend, wird wahrscheinlich.

– Und was vorkam?

– Der Streik. Über sie erklärten überall¹.

«Чётт возьми, а венгры просто сказали мне, что поездка может немного затянуться. Я же весело заверил, что терпения хватит, – вспомнил Славик. – Газеты их я не читаю, радио тем боле не слушаю. Язык сложный». С ним ещё такого пассажира не случилось. Европа, называется.

В уголке информации ему это всё подтвердили, с удивлением посетовав, что он оказался единственным неосведомлённым пассажиром. Вот и изучай разные языки, когда для этого одного достаточно!..

Славик с сумкой и рюкзачком на плечах обошёл весь вокзал. В боковом вестибюле группа арабских школьников шумно играла в футбол, разгоняя мячом гревшихся под потолком голубей. Славик в компании только что прибывших откуда-то старушек обошёл вдоль стенки футбольную команду, перешагивая через брошенные ими портфели, сумки, рюкзаки, и вышел на улицу. Заметно похолодало, похоже, тянуло холодным ветром с далёких гор. Была суббота, да ещё вечер, потому город был пустоватым и скучным. Видимо, к тому же, австрийцы, как венгры, ложатся

¹ – Сегодня в Рим никакого поезда нет. Завтра, наверное, будет. – А что случилось? – Забастовка. Про неё же везде объявляли (нем.).

спать рано, зато встают с восходом.

Славик отметил через дорогу некий большой дворец, а подальше парк с прудом. Есть куда завтра податься. Он поел в буфете, почистил зубы и сдал вещи в камеру хранения, заперев их в сейфообразный шкаф. В гостиницу поселиться им даже не планировалось: денег в обрез. Он поднялся по лестнице на второй этаж, ища зал ожидания. С одной стороны лестницы висел телевизор, во весь экран изображающий немигающий орлиный глаз. С другой стороны висел точно такой же телевизор с другим глазом. Оба смотрели друг на друга. Вдруг глаза одновременно мигнули, и экраны отразили электронный циферблат с цифрами. Славик где-то уже видел эту картинку, кажется, по российскому телевидению.

А зала ожидания на вокзале не было, если не считать квадратного загона с большими потёртыми плексигласовыми стёклами. Внутри вдоль стен стояли штук двадцать жёстких кресел с подлокотниками. В этом загоне было пусто. Südbahnhof не был рассчитан на забастовочные и другие крайние случаи.

Славик пошёл прогуляться по окрестностям. Улицы малолюдны. Машин крайне мало, даже стоящих. Дворец оказался ярко освещённым Бельведерским, но с закрытыми воротами. Таких летних дворцов встречается много в Европе, хотя и поменьше размерами. Пруд Славик решил навестить назавтра.

Полностью освещённым в этой части Вены был вокзал, куда и вернулся Славик. В зальчике ожидания сидело несколько человек. Они скоро ушли, потом ненадолго же пришли другие. Вздремнуть удалось лишь минут на десять. Тут было холодно. Холодный воздух с железнодорожных путей проникал через вертящиеся створки дверей. Постепенно эти створки перестали закрываться, потому что напор воздуха снаружи усилился. Вот так всю ночь Славик и перемогался, то вздрёмывая, то подрагивая от холодрыги, и смотря на прибывающих-убывающих пассажиров каких-то припозднившихся поездов. Заполночь вошли два настороженных хлопца, в которых легко узнавались братья-украинцы. Они посидели, потом старший удалился и вернулся с груп-

пой дивчин. Те с любопытством рассматривали Славика, вероятно, принимая его за аборигена. Больше здесь разглядывать было нечего.

Впрочем, зальчик был скорее аквариумом, в который заглядывали снаружи. И однажды за плексигласовым стеклом прошли двое полицейских. Украинцы оцепенели. Если бы полицейские были побдительнее, они бы разглядели это оцепенение и непременно бы прицепились. Вот от риска такого украинские товарищи по несчастью вскоре и удалились в ночь. А под утро ввалилась тройца местных пьяниц. Двое были потрёпанными хануриками, какие обычно найдутся и в любой европейской стране, а третий не без претензий, да ещё молодой. Он был ухожен, с модельной стрижкой, когда садился, одна нога не согнулась. Он постоянно бубнил на непонятном диалекте, кого-то ругая, иногда вскрикивал, выбрасывая в стороны руку, и эти жесты да негнущаяся нога делали его похожим на деревянную куклу. Потом он чуть успокоился, пытливо всмотрелся в Славика, в старуху с тележкой, в спящего пожилого мужика, похожего на бывшего советского, потом снова на Славика, достал початую бутылку, вызвавшую у спутников учтивые улыбочки, приложился и пустил по кругу. Они вскоре прикорнули, только молодой изредка вскрикивал злым баритоном, выбрасывая руки и стуча негнущейся ногой по плитке пола, а кореша успокаивали, притискиваясь с двух сторон. Все трое согрелись и снова заснули.

Утомлённый Славик тоже забылся, когда же открыл глаза, то в зальчике никого не было. Рассвело, по перронам ходили пассажиры, но в небольшом количестве. Ещё к тому же лил дождь.

– Вот тебе Европа. И куда прѣшься! – попенял сам себе вслух Славик. Он побрѣл в метро, в котором сразу было потерялся. Линии метро располагались на разных уровнях, схема станций была сложна, и куда ехать, было непонятно.

Славик выбрал «Kaiserplatz», добрался до этой площади, побродил по пустынным местам, подивился на некоторые архитектурные чудеса. И в метро, и на улицах торчали туристы да местные арабы. По причине воскресенья коренные венцы появи-

лись после обеда. Только погода была дождливая, и оттого всё равно в городе казалось скучно. Он вернулся к вокзалу, сходил к пруду, обнаружил ещё поблизости ботанический сад, который значительно оживил пребывание в Вене, а потом подался в Бельведер, где долго ходил по зелёным лабиринтам парка.

Вечером, как и ожидалось, его увёз поезд в сторону Италии.

Ночью проснулся, лёжа в купе на разложенном кресле. Он уже согрелся. За окном плыли огромные ели на фоне чёрных Альп. Яркие звёзды мелькали за лапами елей. Двое попутчиков Славика спали. Он перебрался через них и отодвинул дверь. В конце коридора двое человек о чём-то бурно, хотя и вполголоса, ругались. Посмотрев на него, замолчали. Славик обнаружил закрытый туалет. Скоро из него появился бородатый мужчина.

Умываясь, Славик увидел сбоку от раковины отошедший кусок панели. Вытер руки бумажным полотенцем, потом осторожно заглянул за обшивку. Там плотно лежали прозрачные пакеты с белым порошком. В дверь резко и настойчиво постучали. Он открыл, нервно позёывая. Бородатый извинился и на плохом немецком попросил на минуту впустить его, он забыл кое-что. Славик посторонился, но он мягко, но извинительно, подтолкнул его за дверь. Коридор был пуст.

Славик зачем-то стоял в тамбуре. Ах да, он оставил зубную щётку с пастой. Появился бородач, извинительно улыбаясь и кланяясь. Он приглашающе показал обеими руками за дверь туалетной комнаты. Славик сразу заметил, что кусок панели плотно прижат. Зубы он почистил торопливо, думая о проводнике. Да их тут не видно, они стараются не показываться пассажирам. «Это у нас они считаются хозяевами вагона, — отчего-то зло подумалось Славiku. — Хотя, какое мне дело?».

Э, нет, тут же поправил он сам себя — а вдруг *там взрывают-ка?..* Так что получается, что всем тут дело.

Он проскользнул в купе и пробрался на своё место. Почему-то ему очень захотелось, чтобы никто его не видел. Он стал думать и рассуждать: какой смысл взрывать поезд посреди гор? Но если это *доставка* (есть такой голландский, кажется, фильм,

он так и называется: «Доставка»), то всё равно есть угроза и ему, Славику: мало ли где может грохнуть... Опять же, если наркотик, то тоже угроза, — и опосредованная, и, в крайнем случае, прямая: большие деньги толкают к радикальным действиям. Стоит только напугать доставщиков. Если сидеть тихо, то всё обойдётся.

Славик припомнил свою первую поездку за границу, ещё студентом филфака. Они ехали в грязном поезде через Украину, и у границы проводник приказал сидеть тихо по купе, не шастать, скоро придут сначала пограничники, потом таможенники. Славик позже не выдержал и любопытно высунулся из купе. Прямо напротив какой-то парень, вскрыв пол, совал во встроенный ящик блоки сигарет. Он дёрнулся, оглянулся и уставился на Славику. Чуть погода в купе просунулась физиономия проводника и умильно поинтересовалась: всё ли в порядке. Всё в порядке, кивнул ему Славик. У него даже и мысли не было кому-то что-то докладывать, чего бы он ни увидел. Ведь все пассажиры были недавними советскими людьми, плотно повязанными круговой порукой: каждый или делал деньги, или хотел их делать. Свобода развязала желания, но и одновременно связала этой самой порукой. Поэтому Славик даже гордился, что он что-то знает, но никому не скажет.

В этом смысле он стал соучастником, констатировал сейчас повзрослевший Славик. Невелика беда, ведь сигареты не белый порошок. И тогда, вспомнил ещё Славик, полвагона везло хоть что-то продавать за границей: кто электроприборы, вроде дрелей, кто стопку полотенец, а кто и золотые украшения. Одно хорошо шло в Венгрии, другое в Чехии, сигареты хорошо шли в Польше. Так что все были подельниками, потому что были советскими. А теперь ситуация другая, и он сам другой.

«Я ведь ничей не подельник», — сказал себе Славик. Сама ситуация невольной осведомлённости, значит, соучастия, была ему не по душе. Тогда возникал другой вопрос: что теперь делать?

Он покосился в темноте, чуть оживляемой луной, на спящих соседей, и ему захотелось их разбудить и всё рассказать.

Но остановило простое соображение: доставка, которую он обнаружил, в любом случае дело серьёзное, и кто знает, кто её сопровождает — может, посапывающий рядом француз (он говорил по мобильнику на французском) не кто иной, как контролирующей доставку... Кроме того, любой его, Славика, уход в другой вагон вызовет подозрение у контрабандистов. Или террористов, чёрт их разберёт... Вообще любая его суетливость опасна прежде всего ему самому.

С этим Славик безусловно согласился. Он также согласился с подспудно появившимся намерением посвятить власти в то, что он открыл. Но как?

Написать полицейским записку и вложить в паспорт? Её могут не прочитать, а любезно вернуть обратно через попутчиков. Славик решил положиться на случай. И, чуть успокоившись, он ненадолго провалился в сон.

Разбудили австрийские полицейские. Они снова были в штатском. Славик старался не выглядеть беспокойным, и тот, который отодвинул дверь в их купе, не задержал на нём взгляда. Он просто брал паспорта и, пролистнув, отдавал обратно. Российский паспорт его привлёк особенно, так что полицейский, запоздало уставившись на Славика, что-то буркнул и удалился. «Russisch... Russland...»¹, — слышалось в коридоре.

Славик бесстрастно откинулся на подушку: «Сейчас позовут... Вот и случай». Но австриец вернулся, раскланялся и вернул паспорт. Попутчик-француз обернулся к Славика и усмехнулся по адресу полицейского. Славик ответил улыбкой облегчения, подумав: «Ну и пусть, пропущу эту возможность».

Дверь снова с шумом откатилась. В проёме стоял рослый молодой парень лет шестнадцати. Он спросил басовито:

— Und wen hier russisch?

Толкнул коленом лежащего с краю итальянца: «Du russisch?».

Тот вскинулся и выдал тираду:

¹ русский... Россия (нем.).

– Welcher Teufel wirst Du gestoßen? Dich in deiner Schule haben der Höflichkeit nicht gelehrt? Ähnlich, in deinem Kopf existiert nichts, und die Dummheit bildet dein zweit «Ich» zusammen. Werden entfernt Sie!

Юнец не обращая внимания, обратился ко второму:

Du russisch? Was Du dich auswirken wirst?

И получил не менее язвительный ответ:

– Und ich werde mich sagen, dass dir schon gesagt ist. Nur werde ich beifügen, dass, wenn dich in das Museum bringen werden, beachte den altertümlichen Menschen ist dein nächste Verwandte. Und jetzt gehe, zu schlafen, kann, Du wirst ihn schon jetzt, im Schlaf sehen.

Тогда недоросль оглядел Славика:

– So es du?

– Und du wer solchen?¹.

Тот молча удалился. Но из-за стены ещё долго слышался его басок.

Славик больше не спал. И когда раздалась итальянские голоса, он решил обязательно перемолвиться с их обладателями. И фразу приготовил, хотя, может, и корявую, без словаря – практики-то нет у него.

Процедура перекалывания паспортов из рук в руки и обратно прошла как обычно спокойно. Славик дождался, пока небольшая процессия уйдёт к концу вагона, выбрался из купе и двинулся к маячившему в тамбуре карабинеру, которому выдал заготовленную фразу:

– Senior, qualcheduno nella toelétta c'è cecciarì di invòlta da

¹ – А кто тут русский? Ты русский? ... – Какого дьявола толкаешься? Тебя в твоей школе не научили вежливости? Похоже, в твоей голове ничего не шевелится, а глупость составляет твоё второе «я». Убирайся! ... – Ты русский? Что скажешь? – А скажу то, что тебе уже сказано. Только добавлю, что, когда тебя приведут в музей, обрати внимание на питекантропа – это твой ближайший родственник. А теперь иди спать, может, увидишь его уже теперь, во сне. ... – Так это ты? – А ты кто такой? (нем).

polverulento sostanza da lavabo alla destra. Come pare, questo uomini c'è di tre o due scompartimento da toilette.

Тот нахмурился и посмотрел на его ноги в тапочках.

— Lei ha questo vedere realmente?

— Ho non scerza. Questo uomini c'è pericolosi¹.

Потом уже минуты спустя он слышал, как выволакивали кого-то из дальнего купе, слышал и видел, как подъехали к вагону машины с мигалкой, как они завывали сиренами и стали удаляться. В коридоре столпились пассажиры из вагона, следя за всей последовательностью событий. Судя по всему, действительно что-то нашли.

Славик подумал: «Вот и наделал я делов!» Ещё он, не в силах заснуть, а думая, думая про все эти досадные и мешающие его привычной жизни происшествия, сказал себе: ну его, это самое международное право, по возвращении он отправит документы на грант на специальность «политология». Она-то поможет ориентироваться в том, что происходит вокруг. Пусть это и не панацея, но хоть какое-то знание.

Выходит, он уже смирился с тем, что разные происшествия в его жизни ещё грядут.

¹ — Сеньор, в туалетной комнате в стене справа от умывальника кто-то спрятал пакеты с белым порошком. Мне кажется, это люди из третьего или второго купе от туалета. ... — Вы это действительно видели? — Я не шучу. Они опасные люди (итал.).

ПУТЬ К ПРИЧАЛУ

На третью палубу вдруг нахлынули все запахи из кухни — ветер изменился, потому что теплоход стал медленно забирать влево, походя к пристани Козьмодемьянска. И стая чаек заметно увеличилась, возможно, у птиц было развито обоняние.

— Они кормятся отбросами из кухни, и видят их издали, — непререкаемо заявил один из пенсионеров, сидящих в креслах у решётки левого борта.

— Мы тоже, — заметил другой. Остальные засмеялись. На этом месте палубы ехали одни пенсионеры из речников. Но ядро компании составляло несколько бывших ответственных работников Волжского объединённого речного пароходства. В этом сезоне им выпало последний раз путешествовать бесплатно в каюте первого класса, и они наслаждались на полную катуш-

ку.

– Владимир Соломонович, а вы хотели бы быть чайкой? – крикнул с дальнего кресла огромный бывший капитан.

– Ну тебя, ещё задницу мочить, – отмахнулся от вопроса и от раздавшихся смешков расплывшийся, но ещё вполне бодрый старик.

Все разом повернулись к капитану, который вышел из своей огромной каюты неподалёку. Он был в мятых штанах от тренировочного костюма, в жёлтой майке с рукавчиками и в шлёпанцах.

– Как почивали, Пал Васильевич? – нестройно спросили сразу несколько голосов.

– Спасибо, и почивал, и отобедал, – отмахнулся капитан, двигаясь в сторону, чуть поодаль от компании. Дойдя до борта, он навалился на него и стал осматриваться, жмурясь от солнца. Теплоход шёл на высокий зелёный мыс с дамбой, пристанью, стареньким дебаркадером, однопалубным катером, подходившим к нему. Из-за мыса дул крепкий ветер, поднимавший волны.

По палубе пробежали дети, прошествовали шеренгой три женщины, держась под ручки, прошёл чубатый парень с перекинутым через руку пиджаком. Парень оглядел всех сидящих и спросил:

– А капитан тут?

Все улыбочиво промолчали, тогда парень с грозным видом надвинулся на крупного бывшего капитана, носящего форменную рубашку. Тот кивнул на Павла Васильевича:

– Спроси вон его.

Чубатый обошёл череду стульев и повышенным тоном спросил:

– Капитана я могу видеть?

– А что к нему?

– Вопрос есть.

– Ну и какой?

– А кто капитан? Вы?

– Капитан появится скоро на главной палубе. Вот там его можешь увидеть.

Парень шлёпнул с размаху кулаком по левой ладони и пошёл дальше. Кое-кто проводил его внимательным взглядом. Владимир Соломонович поцокал языком.

– Что? – спросил его собеседник.

– Любопытный экземпляр.

– В смысле? – уточнил собеседник, и тут же попытался высказаться. – Из правдолюбцев...

– М-м, ещё не знаю... Хотя ладно.

Владимир Соломонович достал из сумки, висящей на спинке кресла, большой бинокль и стал изучать с его помощью городишко.

– Н-да. Он колоритней был. Я помню высоченный берег, на который взбирались по длинной деревянной лестнице... Плотина подняла воду высоко, потому что разливаться некуда...

Внизу прошла в сторону берега в обгон моторная лодка, груженная корзинами с ягодой – брусникой, земляникой, ежевикой. На корме сидели голый по пояс мужик и мальчик, вяло махнувший кому-то рукой.

– Я не помню, чтобы раньше собирали ягоду в таких промышленных количествах – заметил Владимир Соломонович. – Да и вообще ими старушки занимались.

– Да по-разному было.

– Возможно. А ты обратил до этого внимание на лодки с грибниками, рыбаками и, кажется, заготовителями лекарственных трав? То-то... И не все при этом на моторках, иные на вёслах. Левый берег кормит.

Теплоход не сбавляя хода подбирался к пристани, заполненной людьми, и не все из них были пассажирами или встречающими. На берегу уже выстроились продавцы с кулками, корзинами, ведрами, а на пристани висели картины, перебирались ветром страницы книжек, трепыхались плакатики, календари, иконки на продажу.

Вахтенный помощник, видимо, хотел подкатить с шиком, но, судя по всему, промазал. Бортом своим теплоход толкнул пристань, и теплоход медленно стал набирать задний ход, потом

повторно швартоваться. На главной палубе терпеливо ждала толпа. Капитан стоял тут же, одетый в глаженные тёмно-синие брюки и форменную рубашку.

– Так это вы капитан? – спросил тот же чубатый парень. – Что же вы не сказали?

– Что я должен сказать? – приветливо откликнулся капитан.

– Ну я... это... узнать хочу, мы пристаём в Юрине или нет? Мне говорят, спроси у капитана.

– Правильно. Мы не заходим туда.

– Как же? Билет мне продали до Юрино, а вы не хотите?

– Не могу, а не не хочу. Это разница. Проход там мелкий, на мель могу сесть. Что я тогда буду делать?

– А по расписанию пристаёте.

– Хе, так расписание зимой составляется!

– Ну ладно. Мне надо в Юрино. Билет я купил в кассе.

– Так я вам сказал, молодой человек. Не могу. Риск большой.

– Чёрт! Но ведь иногда там пристают!

– Это если пассажиров много. Мало ли случаев бывает. А вот «Урицкий» на мель сел в июне. Ну попозже подойдите, если не хотите ждать парома или «ОМика».

– Попозже? – несколько грозно переспросил парень. И отошёл в сторонку.

Позже на берегу он выяснил, что «ОМ» сломался, а паром по-прежнему ходит на ночевую в Юрино, так что полдня ещё в запасе, против часа на теплоходе.

Парень всё равно решил следовать согласно билету. А капитана больше не искал, благо тот исчез куда-то. Парню нравилось на теплоходе, он в детстве мечтал на нём прокатиться, но получалось сподручней на «Метеоре», которых раньше бегало по Волге полно по расписанию. Когда гуляешь здесь по верхней палубе, обычные люди кажутся совсем другими, необычными. У них даже ритм жизни другой, непривычный для городских. И воздух здесь чистый, даже упоительный, он набивается в грудь и не спешит вырваться.

Так он гулял до тех пор, пока справа не открылся из-за сосен

весь шереметевский замок. Теперь он дома.

— А ты ещё здесь, пассажир? — слышалось сзади. Это нагнал его капитан, спускавшийся вниз. Он не останавливался, и парень старался от него не отставать.

— Я-то везде успею! — похвалился парень.

— Куда, например?

— Сейчас — домой.

— Хм, сомневаюсь.

— Это почему ещё? — удивился юринский. Его поразило, насколько улыбка капитана не гармонировала с тем, что он говорил. Так только шутят. — Спорим?..

Капитан изумлённо обернулся и стал посреди коридора.

— Как это понимать, «спорим»? Ты шутки брось. Я тебе уже сказал, я здесь не чалюсь.

Парень чуть не налетел на широкую спину и уставился в холодные глаза капитана теплохода. До него стало доходить, что шуток здесь не понимают, а может, если и шутят, то по-своему.

— Так вы сказали, чтоб я подошёл попозже, а вас не было нигде.

— Искать надо! Я тебя что, дожидаться должен?

Юринский рванулся вслед за пошедшим дальше капитаном, не желая верить в то, что его так легко обдурили.

— Э, — окликнул он, — а чего переворачивать-то сказанное?

— Вахта! — крикнул капитан. — Что-то вы забыли про влажную уборку палуб. — А тебя надо оштрафовать за безбилетный проезд! Вон уже где Юрино!

Парень увидел, что они миновали место поворота к пристани, и скоро должны были поравняться с качающимся на волнах главным бакеном. Ситуация оказалась непоправимой. Это было очень плохо, нельзя так запускать течение событий. Тут они остановились у кранов с кипятком, и капитан снова напустился на матросов:

— И почему банки валяются, мусор? За работу!

Юринский остановил его за плечо. Мгновенно вспомнилось, как весной судили его одноклассника Женьку за то, что только

толкнул милиционера.

— Гнида уборная, — выдавил он только, и не удержался, сжав пальцами в комок полрубашки капитана. Вахтенные матросы нерешительно стояли поодаль. Парень прошёл мимо них, свернул направо и, перемахнув через борт, прыгнул далеко от него в воду.

Старики хорошо расслышали тяжёлое плюханье внизу. Оба вскочили с кресел и увидели быстро плывущего в сторону берега человека. Внизу стали кричать, а потом по радио суровый голос рявкнул:

— Человек за бортом! Вахте по местам стоять! Человек с правого борта!

Снизу высунулся капитан и заорал в сторону мостика:

— Не надо! Отставить! Пускай плывёт...

С мостика что-то в ответ крикнул помощник, тыкая в сторону берега радиорупором. Владимир Соломонович оторвал от глазных впадин окуляры бинокля и хмыкнул.

— Воо-т оно как! Это тот хлопец с пышной причёской. Ты помнишь, Сергеич? Ну когда выходили на берег, он с капитаном говорил про заход в Юрино...

Собеседник его покивал, ведь всё ещё было свежо в памяти. Между тем, парень резво плыл к самому большому бакену, но одежда явно ему стала мешать.

— Далеко ведь, — вздохнул Сергеич. — Что у них там произошло?

— Ясно что. Капитан думал сорвать куш... Но у парня вряд ли что найдётся. Я ведь в Козьмодемьянске у матроса спросил, между прочим, про фарватер. Ты знаешь, три с половиной метра глупина, вполне с запасом.

Оба снова подняли к глазам бинокли. А Владимир Соломонович продолжил:

— Они тут почти все живут натуральным хозяйством. Смотри-ка, устал.

— Да до бакена доберётся.

Спустя время юринский ухватился за железку и тяжело вска-

рабкался на выступ основания бакена. Потом принялся снимать и выжимать от воды одежду, начиная с пиджачка.

– Упорный! – одобрил Сергеич, глядя, как развешивается одежда по бокам бакена. – Что ему теперь делать? Ждать okazji?

– Или плыть дальше. Хотя расстояние – больше половины Волги... Видишь, ругается.

Приходилось постоянно подкручивать окуляры.

– Не, – возразил Сергеич, – это он поёт.

– Ха-ха, и в самом деле! Молоток парень. Поёт... Может, революционную песню?

Парень, действительно, пел во всю глотку. Раздевшись до трусов, стал складывать одеяние на голову, потом охватил его ремнём и застегнул у скулы. Он явно намерился плыть. А перед тем как погрузиться в воду, согнул в локте руку и красноречиво изобразил неприличный жест в сторону теплохода.

Старики сочувственно наблюдали. Владимир Соломонович прибавил к сказанному им раньше:

– Я вспомнил как раз, у нашего сотрудника была жена из этого Юрина. Она рассказывала, что в самом начале коллективизации кто-то повесил на протянутую руку памятника Ленину корзину с дерьмом. Ты представляешь, высота не менее четырёх метров! Как приладили?

– Ну как – багром навесили.

– Да. Видимо. Чем же ещё? Но ведь и сила какая должна быть! И корзину, она говорила, большую не пожалели. Снимали пожарники полным расчётом. А на следующее утро – опять висит!

Сергеич затрясся от смеха. Владимир Соломонович не останавливался:

– А у меня отец коллективизацию проводил.

– Корзину снимал?

– Нет, он был не в этих местах. Хотя рядом. И сколько же всего произошло на нашей памяти, а, Сергеич?

– Точно так. Ну и люди в этом Юрине...

– А теперь на глазах складываются совсем другие отношения.

– Рыночные, – радостно подтвердил Сергеич, снова разглядев среди волн чёрные вещи пловца. – Или ты соответствуешь, или не соответствуешь.

– Н-да. Или обычный российский нахрап.

Вскоре бинокль перестал брать отдалённые детали пейзажа.

ШЕСТОЙ

На территорию окружного военного госпиталя вошли пять человек, производивших впечатление бывших спортсменов, но никак не молодых военных. Все были коротко стрижены, одеты в джинсы, майки или рубашки, выглядели несколько стеснительно. Они нашли кабинет главного хирурга, старший постучал в дверь и, не разобрав, что ему из-за неё ответили, потянул дверь за ручку одним пальцем, просунулся:

— Разрешите, товарищ полковник?

Ему разрешили, он махнул остальным, и они гуськом просочились, сели вдоль стены. Все посмотрели на портрет президента России, на грамоты в рамках, в два ряда висящие ниже.

— Положение тяжёлое, — сказал им врач. — Сломаны рука, ребро, ключица, повреждён позвоночник, голова... Я бы не сове-

товал тревожить.

– Товарищ полковник, наше присутствие его только психологически поддержит, согласитесь, – сказал старший.

– Да. Вижу, вы всё понимаете. Но я удивлён происшедшим. Каков характер его службы, можете сказать?

– Выполнение задач на территории противника и вообще.

– Какого характера?

– самого сложного.

– Хм, понятно. Как это его угораздило?..

Все пятеро пришедших к военврачу потупились.

Полковник медицинской службы вздохнул, надел белоснежный халат и жестом пригласил следовать за ним. Все прошли по керамическим плиткам коридора к кабинету реанимации, подталкивая друг друга, вошли в палату рядом.

Ранбольной Егоров, как было написано на табличке, где перечислялись температура, процедуры, состояние, похоже, спал. Лицо его было раскрашено в несколько цветов – в красный, зелёный, синий, серый, чёрный, – от медицинских средств и от травмированной кожи. Да и то лицо почти было скрыто за повязками, а правая рука подвешена с помощью тросика.

Военврач оглянулся на вошедшую медсестру и попросил пояснить реакции больного. Та сообщила о хорошей стабильности, сильном организме, его нормальном реагировании.

Товарищи Егорова поочерёдно подходили и трогали за левую руку. Он как будто это почувствовал: все отметили радостным шёпотом дрогнувшие ресницы и дёрнувшуюся бровь.

Полковник удовлетворённо покивал и попрощался, только перед уходом попросил старшего заглянуть к нему потом на минутку. Все пятеро тут же молча окружили кровать, лица их постепенно стали светлеть, улыбаться, а глаза словно посылали какие-то импульсы товарищу. Медсестра, стоя у двери, вдруг почувствовала себя здесь ненужной. Она достала из выдвижного ящика столика шоколадку, отломил кусок и, положив остальное обратно, тихо удалилась следом за начальником.

А потом старший, оставив ненадолго выходящих в госпиталь-

ный двор своих подчинённых, снова возник в кабинете военврача:

– Товарищ полковник, капитан Медунов по вашему приказанию прибыл!

Полковник улыбнулся из-за стола, потом подошёл к капитану и усадил за маленький приставной столик.

– Меня Игорем Ивановичем зовут. А что он так подставился, Егоров-то?.. Это мне для полноты анамнеза необходимо, понимаешь?

– Ясно. Ну, напали... Игорь Иванович, а много вам известно по сути?

– В том-то и дело, немного. Ну, шпана навалилась...

– Подростки, – уточнил Медунов. – Просто шпаной их не назовёшь, да и дело о том не показывает.

– Подростки... Налетели и всё. А что же он-то? Вроде бы, отменно тренированный парень...

– Задержали не всех, но и так ясно, что самостоятельно занимались боевыми искусствами, решили опробовать на крепком мужике... А мы тренированы не драться. Драться мы не умеем... ну, в общем, не дерёмся и не имеем права ввязываться.

– Да. Капитан, так что же он сразу не среагировал? Ну, отмахнулся бы, убежал, наконец... А так ситуация понятна.

Медунов замолчал. Видно было, что он готов многое сказать, в нём явственно боролись чувства, отчего он даже глаза закрыл. Военврач не мигая наблюдал за ним, видимо, сопереживая. И наконец спросил, чтобы разрядить ситуацию:

– Группа ваша, что, такая маленькая?

– Да. И ещё один на лечении в Центральном госпитале... Товарищ полковник, понимаете, тут вопрос психологии, наверное. Мы же домой приехали на отдых. Мы же среди своих...

– Ну иди-иди... Ждут тебя твои. Ладно. Успехов вам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Весёлая Москва	3
Ожидание	12
Перовский	20
По миру	25
Путь к причалу	38
Шестой	46

Владимир Иванович Немцев

Шесть рассказов